

А. С. Макарычев

Нижегородский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ЭЛИТ:
ТЕОРИЯ ВОПРОСА
И ПРАКТИКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Теоретико-методологические аспекты проблемы

Проникновение научного знания в область политики - процесс закономерный и объективный¹. Его изучение является одной из «сквозных» тем современной политологии. Этот интерес предопределяет множественность методологических подходов, применяемых для исследования проблемы взаимодействия политической и научной элит. Тем не менее, два подхода, с нашей точки зрения, в наибольшей степени конфликтуют друг с другом.

Первый из них вытекает из так называемой «теории рационального выбора». Она постулирует, что участие интеллектуалов в разработке политического курса и их допуск к принятию решений улучшают качество политического процесса, повышают его сбалансированность и адекватность своему времени². Без научной проработки ни одно серьезное политическое начинание не имеет шансов на успех³. Научная элита, согласно этой интерпретации, разрабатывает целостную и непротиворечивую систему экспертных суждений, с помощью которых политические лидеры *улучшают* качество политического планирования.

Политический процесс, утверждают «рационалисты», управляется с помощью рациональных правил и норм. В своих крайних проявлениях эта точка зрения допускает, что «политика может быть заменена наукой», а политики - экспертами⁴.

Однако такая посылка не соответствует реальным законам политического процесса. По словам Г. Моргентхау «редуцирование политических проблем до научных предложений невозможно, поскольку вопросы распределения власти могут быть решены лишь посредством политических решений, а не научных инструментов... Отсутствие знаний может стать источником провалов лишь в тех областях человеческой деятельности, которые являются нейтральными с точки зрения человеческих интересов и эмоций, то есть при наличии гармонии между разумом и интересами»⁵. Многие ученые преувеличивают значимость научного

планирования в реальной политической жизни и возможности экспертов повлиять на поведение политических лидеров в лучшую сторону. Как следствие, недооценивается важность чисто оперативных решений. Теоретически, конечно, политический процесс должен базироваться на рациональном знании, привносимом в правительство извне, но на практике все выглядит более прозаично.

Второй методологический подход, интересующий нас в контексте рассматриваемой проблемы, тесно связан с «теорией групп». Вытекая из так называемой плюралистической модели либеральной демократии, эта теория исходит из того, что все люди принадлежат к бесчисленному количеству групп, интересы которых взаимно пересекаются. Существование этого множества интересов и их выражающих групп не только неизбежно, но и крайне важно для демократии. Демократическая политика, следовательно, является результатом либо взаимодействия и соглашений, либо коллизий и столкновений между организованными групповыми интересами. Такая борьба трактуется как средство избежать навязывания гражданскому обществу воли правящей элиты. Процесс принятия решений - это поле высокой конкуренции, которая предполагает и методы политического давления, и вытеснение слабейших.

«Теория групп», несмотря на декларируемую демократичность, содержит в себе изрядную долю элитарности, поскольку фактически сводит проблему проникновения научных идей в политику к механике взаимодействия между организациями научной и политической элит. «Теория групп» подходит для обоснования особой, специфической роли организаций интеллектуальной элиты в демократическом обществе, поскольку различные ее фракции и институты имеют свои сформировавшиеся интересы, служащие основой, как их внутренней консолидации, так и взаимоотношений с другими элитарными группами (бизнесом, политическими партиями, лоббистскими организациями, финансовыми учреждениями, правительственной бюрократией, религиозными сообществами и т.д.)⁶.

В политологии принят термин «элита знаний». Ее можно определить как элиту, действующую в области науки, образования, средств массовой информации, включая политических советников. «Она обладает профессиональными знаниями и контролирует формирование системы символов, культурных ценностей, мифов, из которых складываются более или менее согласованные идеологии. Тем самым эти круги решающим образом влияют на состояние общественного сознания и возможность его мобилизации для достижения поставленных целей»⁷.

Итак, у сторонников элитарного подхода все базируется на мысли о том, что демократия может рассматриваться как соперничество между элитами. Научная элита - важнейшая составная часть политико-академического комплекса в любой демократической или демократизирующейся стране. Условием, необхо-

димым для соответствия «теории групп» в различных ее вариациях демократическим принципам, является открытый характер самих элитных группировок и, соответственно, возможность свободного доступа к ним и вхождения в них любых членов общества на основе квалификации, мотивации и активности. Если обсуждение какой-либо политически и социально значимой проблемы проходит в рамках «открытого форума», то силу рациональных научных аргументов могут использовать все вовлеченные в дебаты и противостоящие друг другу стороны. В этом случае угрозы демократическому процессу найти сложно. Если же речь идет о «закрытой» (или менее «прозрачной») системе, базирующейся на принципе политических клиентел, то тогда, естественно, пристрастное использование научных знаний может создать неадекватную картину и почву для неверных решений.

Анализируя дискуссию между двумя подходами, описанными выше, можно согласиться с Карлом Поппером, писавшим, что открытое общество не может успешно развиваться, если наука станет исключительной собственностью узкого круга специалистов. Науку он считал не институционализированной иерархией знатоков - экспертов, а перманентным поиском решений общественно значимых проблем. Из этого вытекает необходимость в открытом, публичном характере науки и ее институтов.

К. Поппер, таким образом, считал чрезмерное доверие к «экспертам» путем к закрытому обществу. Такая постановка вопроса тем более актуальна, что «сам институт науки уже не может считаться бескорыстным... Это гибрид большой власти и большого бизнеса... Так называемая экспертная теория знания... укоренилась на Западе как ничто другое. И это понятно. Никто уже больше не верит, что действительно можно доказать истинность какой-либо теории самой по себе. Ведь любая власть должна защищать свой авторитет... А существует ли лучший способ для «экспертов» от института науки защитить авторитет своей власти, чем просто определять знания и истину через свои понятия и верования?»⁸

Следовательно, нельзя гарантировать, что научными исследованиями занимаются самые достойные интеллектуалы. Часть научной элиты в наибольшей степени заботит не поиск истины, а карьерно-политические соображения. Согласно М. Ноттурно, такие «экспертные корпорации» способны манипулировать знанием, информацией и сосредоточенными в их руках возможностями коммуникации с большими труппами людей. Другой исследователь этой проблемы Карл Мангейм также резонно писал, что если так называемые «свободные интеллектуалы» становятся добычей той или иной идеологии, то они превращаются в самокорректирующуюся группу и их существование оправдывается соображениями собственного выживания.

Диалог ученых и политиков: трудности и препятствия

Взаимоотношения между научной и политической элитами, таким образом, очень редко выглядят ровными и безоблачными. В реальности чаще всего они буквально нашпигованы противоречиями. «Мир профессора и мир политика часто пересекаются, но они совершенно различны... Это связано с подозрительным отношением ученых мужей к правительству и их оппозицией официальному курсу, а также с растущим убеждением среди государственных служащих в нереалистичности академических трудов»⁹.

Подобные «провалы в коммуникации» действительно достаточно распространены. Для официальных лиц главное - это действие, направленное на разрешение какой-то конкретной проблемы, причем обычно - на базе имеющегося личного опыта. Для ученого же, который редко действует в состоянии цейтнота, часто главным видится сам процесс исследования во имя нахождения истины.

Так называемая «бюрократическая версия» полигики отчасти объясняет препятствия на пути взаимоотношений ученых и политиков. Тот вопрос, который волнует ученого, может игнорироваться политиком. Многие правительственные ведомства вообще стараются обходиться без советов со стороны. Технократический менталитет экспертов и надежды на рациональность принимаемых решений теряют свою силу перед лицом политики. «Политика всегда стоит над рациональностью, а зачастую нарушает ее»¹⁰.

Важнейшие препятствия для эффективного использования творческого потенциала науки в политике отмечены американскими учеными К. Вайсс и М. Бакавалас. Признано, пишут они, что ученые должны «говорить правду власти. Такая постановка вопроса предполагает, что: а) существует ясная и непротиворечивая истина; б) ее можно «схватить за хвост»; в) выявление истины стоит в стороне от столкновения политических интересов; г) лица, принимающие высшие решения, нуждаются в правде; д) решения, принимаемые на основе этой «истины», лучше и мудрее всех остальных. Мало кто из обществоведов полностью подпишется под всеми этими условиями»¹⁰. Так что вера в силу рационального знания имеет свои пределы.

На пути внедрения научного знания в политическую жизнь часто встают препятствия, изучением которых занимается политическая психология. Известный американский специалист Александр Джордж описывает в своих работах типичные для любого политика ситуации, когда научное осмысление какого-то одного вопроса разбивается на огромное количество рекомендаций и советов, причем каждый из них имеет своего «адвоката» и соответствующие интересы, стоящие за ним. Такая неоднозначность приводит политиков к «психологическому стрессу»¹² и, соответственно, снижает их адаптивность к усложненным научным формам.

Другой интересный аспект состоит в том, что если эксперты не объединены общим пониманием важности своей работы и не разделяют некие общие установки, то их работа в конечном итоге выльется в пустые дебаты и столкновение амбиций. Но чем более сплоченной становится группа консультантов, работающая на политического лидера, тем больше вероятность того, что члены этой группы «замкнутся» в своих идеях и будут отвергать любые альтернативы, идущие извне. Этот феномен может быть назван «групповым мышлением»¹³. Именно поэтому коллективы экспертов, какой бы высокой квалификации они ни были, так склонны к созданию неких идеальных моделей, стереотипов и отрыву от реальности. Если большинство придерживается какой-то определенной точки зрения, то чаще всего она и станет руководством к действию, несмотря на наличие иных, заслуживающих внимания предложений. Другими словами, здесь существует серьезная проблема: нельзя допустить множественности интересов, «дробящих» группу изнутри, но и единомыслие тоже не сулит ничего хорошего.

Если мы вправе сказать, что наука может существовать - что часто и происходит - автономно от политической власти, то верно и обратное: «Политическое действие не требует полного знания; люди могут логично и успешно действовать, исходя из ложных посылок или правильной интуиции». Многие политические инициативы предпринимались без опоры на науку. Многие политические деятели и не нуждаются в объективных сведениях, не говоря уже о творческих идеях. Или взять, например, типичнейшие ситуации в парламентах: в подавляющем большинстве случаев законодатели проголосуют за тот вариант законопроекта, который выгоден их партии или региону, а не который выработан объективной и независимой экспертной комиссией (если, конечно, встанет проблема выбора).

Существенные упреки в адрес политически ориентированных научных центров касаются их слабой надежности в роли доверительных политических партнеров. Дело в том, что при принятии серьезных решений консультации с внешними экспертами действительно уместны лишь в ограниченных пределах, поскольку при расширении круга посвященных в суть вопроса лиц теряется конфиденциальность, этот необходимый компонент любого политического действия.

Услуги, предоставляемые учеными, отнюдь не всегда с энтузиазмом воспринимаются политиками. Так, эксперт может встретить реакцию отторжения, если его анализ приводит к выводам, неудобным или нелицеприятным для того или иного правительственного органа. То же самое происходит, если эксперт (тем более целая «команда») приобретает политический вес и уже может рассматриваться не просто в качестве советчика, но и как реальный участник политической жизни. В этом случае он неминуемо входит в сложные отношения с другими политическими акторами и может испытать на себе разнообразные приемы воздействия и давления.

В случаях, когда решения не являются чисто «техническими» и их последствия многовариантны, политики склонны игнорировать мнение ученых и опираться скорее на прошлые прецеденты, эмпирический опыт и собственную интуицию. Поэтому мы вправе констатировать, что хороший анализ не всегда приводит к улучшению качества политического управления. Экспертиза может стать «пленницей» замыслов политиков: это происходит, например, когда тот или иной лидер заказывает исследование по определенному вопросу не из искреннего желания узнать компетентное мнение со стороны, а лишь для того, чтобы отложить на некоторое время принятие решения и одновременно создать впечатление, что идет его предварительная проработка.

В известном смысле нужно признать, что мир политики и мир науки живут каждый по своим законам и преодолеть естественные различия между ними не всегда бывает просто, даже при условии взаимного тяготения друг к другу. Антиномичность и амбивалентность взаимоотношений политиков и ученых иногда приводят к «реакции отторжения» и иным сложностям. В интересующей нас сфере существуют следующие противоречия:

- если функция ученых - ставить новые вопросы и опровергать обыденное, то властные структуры отмечены печатью консерватизма и традиционализма;
- ученые склонны к «холодному» и рассудочному анализу, в то время как в политике бушуют страсти, зачастую иррациональные;
- ученые ориентируются на публично и официально заявленные политические приоритеты правительства, но не всегда в курсе «скрытой повестки дня», известной лишь избранному кругу. Закулисные реальности управления обществом, включая нюансы и тонкости расстановки сил в верхах, ученым могут быть не знакомы. Им бывает трудно ориентироваться в кулуарах политической сцены с тем, чтобы точно знать, кто за что отвечает и на кого должен быть рассчитан соответствующий аналитический документ. Самый точный анализ, если он попадет не в те руки, неспособен что-либо изменить;
- ученые своими исследованиями могут подливать масла в огонь идеологического противостояния в обществе, в то время как находящиеся у власти политические силы обычно стремятся добиться умиротворения и согласия, пусть даже иллюзорного и временного;
- ученым для проведения своей работы нужно значительное время, политики же в большинстве своем действуют при отсутствии такового. Ясно, что в течение нескольких дней или даже недель качественного исследования не подготовить. Когда же ученые завершают детальный анализ ситуации, он может уже утратить былую актуальность с точки зрения текущей политической конъюнктуры;

- зона политической ответственности государственных деятелей - не самое лучшее поле для экспериментирования, к которому склонны многие ученые - новаторы;
- ученые нередко уклоняются от четких и однозначных ответов на вопросы, задаваемые им политиками. Это верно, но такая уклончивость, однако, менее всего может быть инкриминирована ученым, поскольку сама природа политического действия альтернативна, зачастую неопределенна и не подлежит строгой формализации. Эксперты, действительно, не могут во всех ситуациях предложить готовые рецепты выхода из кризиса или решения накопившихся противоречий. Их задача - дать лицам, принимающим решения, набор альтернатив и оценить «плюсы» и «минусы» каждой из них.

Региональное «измерение» проблемы

Высказанные выше общие соображения относительно взаимодействия политической и научной элит мы постараемся далее конкретизировать применительно к практической ситуации в Нижегородской области.

Оценки взаимоотношений научной и политической элит на региональном уровне в российской литературе носят, как правило, поверхностный характер и подвержены либо символизму, либо своеобразной «политической корректности», согласно которой в так называемом «авангардном регионе» все должно быть «авангардно», либерально и демократично, в том числе и взаимоотношения между научной и политической элитами. Такая картинка далека от реальности в той же мере, в какой облик Б. Немцова как либерал-реформатора и нижегородского «яппи» отличается от его же облика «крутого» государственника и почитателя монархических идей.

За пять с лишним лет губернаторства Бориса Немцова трудно припомнить убедительные примеры того, когда он сознательно, целенаправленно и последовательно взаимодействовал бы с независимыми экспертами. Еще меньшей была восприимчивость к внешним советам рядовых чиновников его администрации.

В нижегородских средствах массовой информации часто можно встретить фразу о том, что Борис Немцов был сам себе лучшим экспертом. «Над своим имиджем Немцов, как всегда, работает сам, что означает, что не работает совсем. Похоже на то, что, как и в Нижнем, он не имеет в своем окружении людей, с которыми он мог бы обсудить свои личные проблемы», - писал В. Лысов, долгое время проработавший вместе с Б. Немцовым в нижегородской администрации. Более того, Б. Немцов (сам выходец из научной среды!) испытывал известное недоверие к самому феномену независимого политического консуль-

тирования. Отвечая на вопрос об идее создания Губернаторского Совета, Б. Немцов в одном из интервью сказал, что сейчас он предпочитает вести консультации с экспертами без формализации их статуса, поскольку «официализация» их роли может привести к нежелательным трансформациям в амбициях многих людей.

Сказанное укладывается во вполне определенную схему. Действительно, стиль политического лидерства Б. Немцова можно охарактеризовать как интуитивный, импровизационный и умеренно авторитарный. Многие его политические инициативы (допустим, план массового перехода пенсионеров на пользование пластиковыми карточками или пересадка государственных служащих на автомобили отечественного производства) были не результатом продуманного и взвешенного анализа, а родились под воздействием моментальной политической конъюнктуры. Сюда же можно отнести заявление, сделанное Б. Немцовым накануне президентских выборов 1996 года о том, что он не видит особой трагедии в возможном приходе к власти коммунистов. Это неожиданное признание, без сомнения, усложнило его отношения с либеральной политической элитой. Вполне закономерно, что, будучи назначенным первым вице-премьером, он смог взять в свою московскую «команду» лишь нескольких лиц из своего ближайшего окружения, что отражает «широту» круга его советников в Нижнем.

Сказанное отнюдь не означает, что Нижегородская область периода реформ не знала опыта взаимодействия экспертов (ученых) и лиц, принимающих решения, хотя формы и методы этого взаимодействия оптимальными назвать сложно. Приведем конкретные примеры.

Так, в 1992 г. областная администрация инициировала создание экспертной группы по разработке «Областной программы конверсии», куда входили экономисты, юристы и политологи. В конечном итоге многомесячная работа ученых была положена под сукно и о самой программе вскоре было забыто.

Вскоре после этого ЭПИЦентр под руководством Г. Явлинского произвел научный «десант» в Нижнем Новгороде, разработав так называемый «Нижегородский пролог». Несмотря на отличные стартовые возможности, в конечном итоге продолжение работы ЭПИЦентра в Нижнем свелось к формированию небольшого местного филиала, занятого разработкой узкоспецифических вопросов по заказу официальных структур. Никакого толчка к укоренению практики постоянного взаимодействия между научной и политической элитами не состоялось. Аналогичным образом разворачивается работа над «Программой социально-экономического развития Нижнего Новгорода», порученная одному из частных вузов города - Нижегородскому институту менеджмента и бизнеса.

Не сказала своего веского слова и Общественная палата, которая изначально задумывалась как тот институт, в рамках которого должны встречаться и аккумулироваться как профессиональные идеи, так и обыденные, «рутинные» интересы представленных социальных групп. Экспертные функции Обществен-

ная палата не выполняет прежде всего из-за слабости организаций «третьего сектора», представленных в ней, и из-за невозможности привлечь на свою сторону весомые ресурсы.

Еще один опыт тесного общения между экспертами и региональными политиками был связан с проведением в Нижнем Новгороде нескольких туров так называемых «общественных отборочных выборов» по типу американских «праймериз». Эта инициатива Республиканской партии РФ при поддержке ряда других местных организаций предполагала выслушивание мнений независимых экспертов, однако сама противоречивая природа предложенной новации вызвала сильный скепсис со стороны ученых, который резко контрастировал с энтузиазмом организаторов этого начинания.

Электоральный контекст проблемы

Во время выборов, как показывает практика, все негативные аспекты взаимодействия между научной и политической элитами представлены в своем наиболее сжатом, сконцентрированном виде. Речь идет об очевидной политизации экспертизы во время выборов. Проявляться она может по-разному. Усилия экспертов используются политическими лидерами не для изменения реальных условий бытия, а прежде всего для «полировки» общественного мнения. Часто имеет место манипуляция данными научных исследований (например, цифрами социологических опросов или рейтингов влияния). Встречаются попытки раздробить региональное сообщество политически ориентированных ученых, поскольку для «партии власти» гораздо легче иметь дело с несколькими небольшими группами экспертов, чем с хорошо организованным коллективом. Это приводит к неравноправным условиям предвыборного сотрудничества. Поэтому вполне понятно, что многие предвыборные консультанты, работая на того или иного кандидата, пытаются использовать свой временный статус для отстаивания своих собственных, узкокорпоративных интересов, как профессиональных, так и чисто материальных.

Президентские выборы 1996 г. внесли существенный вклад в процессы кристаллизации внутри региональной интеллигенции. Одной из её характерных черт стала значительная политическая ангажированность. Наиболее структурированной в организационном плане показала себя гуманитарная интеллигенция, имеющая несколько центров активности в виде различных негосударственных институтов так называемого «третьего», то есть неправительственного сектора. Поэтому вполне нормально, что в Нижнем появился тот тип ученых, который на Западе называется «адвокатом идеи».

Но в то же время параллельно с усилением политического участия ученых получила развитие еще одна тенденция. Речь идет о переориентации значи-

тельной части научного мира на оказание аналитических услуг на коммерческой основе. Такой типаж ученых можно назвать, заимствуя американскую терминологию, «адвокатами клиента». На выборах большинство аналитиков обслуживают политические команды - кто прямо, поступив на службу в соответствующие структуры, а кто как бы косвенно, извне, сделав аналитику предметом коммерческой деятельности.

С одной стороны, здесь наблюдается много позитивных изменений. Грамотно сконструированный имидж, умная политическая реклама, учет психологических тонкостей восприятия лидера электоратом - все эти факторы, зависящие от наличия или отсутствия в командах профессиональных экспертов по предвыборным технологиям, наконец-то стали играть в нашей региональной политике весомую роль. Но в то же время во многом она остается ограниченной. Несмотря на бурно протекающую в чисто событийном отношении политическую жизнь, рынок политического консультирования в Нижегородском регионе делает лишь первые шаги. Такое положение нельзя не признать характерным, поскольку сама профессия консультанта по предвыборным вопросам еще не получила у нас соответствующего оформления и статуса.

В то же время президентские выборы 1996 г. привели, к сожалению, не к консолидации демократической общественности, а к столкновению групповых интересов и амбиций различных политических, административных, хозяйственных и деловых элит. У областного штаба поддержки президента Б. Ельцина с самого начала кампании сформировались непростые отношения с местными отделениями НДР и «Народного дома». Борьба за контроль и распределение ресурсов кампании привела к распылению усилий и резкому снижению их эффективности. Сам же штаб за пределами Нижнего смог лишь организовать несколько лекционных рейдов в районы области, но их эффективность, по мнению самих же участников, оставляла желать лучшего. Телевизионные и радиовыступления аналитиков штаба также носили эпизодический характер и не производили целостного впечатления.

Выборы 1996 г. внесли, тем не менее, новый опыт в участие региональных ученых в политическом процессе. В целом можно констатировать, что гораздо легче работать в качестве политического консультанта на какого-то конкретного местного политика, чем быть частью группы поддержки кандидата на пост президента страны. Отсутствие личных контактов с общероссийским лидером и постоянная зависимость от положения дел в Москве значительно усложняли работу экспертов. Но были и иные обстоятельства.

В качестве конкретного примера рассмотрим ситуацию с региональным штабом по поддержке Б. Ельцина на выборах 1996 г. Первоначально предполагалось, что аналитическая группа должна играть одну из центральных ролей во всей кампании в масштабах региона. На нее были возложены следующие задачи:

- проведение стартовых социологических и политологических исследований в регионе;
- организация обучающего семинара для штабных работников и групп коммуникаторов;
- формирование единой информационной базы, включая аккумуляцию и систематизацию всего массива данных по выборам 1989-95 гг., ведение досье на кандидатов и так далее;
- аналитическая оценка районов, городов и групп избирателей для дальнейшей работы с ними;
- моделирование и прогнозирование ситуаций;
- выбор методов работы с электоратом;
- анализ действий конкурентов и союзников, и т.д.

Другими словами, предполагалось, что аналитическая группа должна вырабатывать особый интеллектуальный продукт, необходимый для создания в регионе климата, благоприятного для поддерживаемого кандидата, и адекватно отражать меняющиеся политические настроения и предпочтения электората. Задача эта представлялась двуединой: с одной стороны, измерять общественное мнение, и с другой - воздействовать на него с целью изменений. Однако ожидаемого взаимодействия между штабом в поддержку Б. Ельцина и нижегородским научным сообществом демократической ориентации не получилось. Причин этому несколько. Во-первых, несмотря на наличие в составе регионального штаба значительного числа политически влиятельных лиц, реальная работа была сконцентрирована в руках одного из лидеров нижегородского частного бизнеса - компании «Экойл». Это стало закономерным следствием полной зависимости (финансовой и организационной) официального штаба от расклада политических сил в московских пропрезидентских структурах. Во-вторых, вместо ожидаемого консенсуса президентская кампания стала поводом для состязания амбиций и соревнования ряда региональных политических структур за финансы, «паблисити» и будущее влияние в регионе. Экспертно-аналитическое «измерение» кампании оказалось отодвинутым на задний план. Фактически была расформирована информационно - аналитическая группа штаба, в результате чего вся экспертно - планирующая деятельность была сведена к нулю. Ни одно из предложений аналитической группы на практике реализовано не было.

Президентские выборы в регионе наглядно продемонстрировали, что в Нижнем Новгороде, этом «полигоне реформ», практически отсутствует демократическая среда, включая ее интеллектуальные составляющие. В городе нет респектабельного и признаваемого всеми места для общения демократических кругов - интеллигенции, профессиональных политиков, бизнесменов. Результат - раздробленность и шарахания потенциально демократически мыслящего электората.

Заключение

Региональные «интеллектуалы действия» представляют собой, как правило, сильно ангажированных экспертов, стремящихся конвертировать в политическое влияние свои научные знания. Этот процесс естественен, поскольку пока в российских регионах еще не произошло разделение научного сообщества на «менеджеров» и «исследователей».

С точки зрения стандартов гражданского общества, такая ситуация иллюстрирует слабость и недоразвитость его важнейших институтов, причем на низовом, базисном уровне. Распространение феномена «ученого при власти» является печальным следствием вышеупомянутого факта.

Региональная научная элита, к сожалению, не выполняет столь естественной для себя функции противовеса импульсивным и непродуманным решениям органов власти. Парадоксально, но факт: политическим лидерам экспертизы нужна не для более глубокого понимания сложившейся или ожидаемой ситуации, а для ее упрощения, примитивизации. В качестве конечного продукта ценится и находит спрос некая «картинка», слепок с реальности. Сам факт того, что ученые выступают в роли спичрайтеров, организаторов выборов или журналистов, свидетельствует о серьезной девальвации научного знания как такового.

Конечно, нельзя не видеть, что рынок профессиональной политической экспертизы в России начинает складываться. Однако перспективы академического сообщества в российских регионах чаще всего замыкаются на проблему ресурсов. Лишь наиболее обеспеченные и состоятельные «мозговые центры» могут позволить себе одновременно и влиять на политику, и объективно изучать ее. Чаще всего российским ученым приходится сегодня выбирать или одно, или другое.

Примечания:

¹ Stephen Cotgrove. The Science of Society. Minerva Series. George Allen and Unwin, 1967.

² Alice MRivlin. Using Experts to Improve the Public Policy Process // The Clash of Issues. Readings and Problems in American Government Edited by Samuel Krislov and Raymond LXee. Prentice Hall, Englewood Cliffs. - New Jersey, 1989. - P. 271-274.

³ Kurt Finsterbusch, Annabelle Bender Motz. Social Research for Policy Decisions. - Wadsworth Publishing Company, Belmont, California, 1980; Susan Walter and Pat Choate. Thinking Strategically. A Primer for Public Leaders. The Council of State Planning Agencies. - Washington, D.C, 1984.

⁴ Hans Morgenthau. Scientific Man Vs. Power Politics. - The University of Chicago Press, 1974. - P.4,101.

⁵ Ibid. - P210.

⁶ Barry Barnes. Interests and the Growth of Knowledge. Routledge Direct Editions, 1977.

⁷ Пал Тамаш. Роль элит в венгерском «мягком переходе» // Pro et Contra. Том № 1, № 1, осень 1996.-С. 90.

⁸ Марк Нотгурно. Открытое общество и его враги : сообщество, власть и бюрократия // Демоны мира и боги войны. Социальные конфликты в посткоммунистическом мире. - Киев: Политична думка, 1997. - С. 183-184.

⁹ David D.Newson. The Public Dimension of Foreign Policy. - Indiana University Press, 1996.

¹⁰ Daniel Bell. Op.cit. - P. 274.

¹¹ Carol H.Weiss, Michael J.Bucavalas. Social Science Research and Decision-Making. - Columbia University Press, N.Y., 1980. - P. 20.

¹² Psychological Aspects of Decisionmaking: Adapting to Constraints on Rational Decisionmaking. - In: Alexander L.George. Presidential Decisionmaking in Foreign Policy. The Effective Use of Information and Advice. - Westview Press. Boulder, Colorado, 1980. - P. 25-26.

¹³ Irving L.Jannis. Victims of Groupthink : a Psychological Study of Foreign Policy Decisions and Fiascoes. - Houghton Mifflin Company, Boston, 1972.